

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Никандров А.В. Антиномия классов и народа в советской теории социалистического государства: концепт «всенародное государство» // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 47-70. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_47

УДК 32(470)

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_47

Антиномия классов и народа в советской теории социалистического государства: концепт «всенародное государство»

Алексей Всеволодович Никандров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

E-mail: bobbio71@mail.ru

*Поступила в редакцию 24.01.2024, поступила после рецензирования 09.04.2024,
принята к публикации 27.04.2024*

Создание теории социалистического государства на базе идейно-политического наследия марксизма стало одной из самых насущных задач, вставших перед И.В. Сталиным. К. Маркс и Ф. Энгельс не ставили вопрос о социалистическом государстве. Этот термин впервые появляется у В.И. Ленина, в трудах которого стала обретать контуры новая теория государства, но смерть не дала основателю Советского государства разработать ее в развернутом виде. Уже к концу 1920-х гг. стало ясно, что теория социалистического государства не может быть основана на принципах пролетарского интернационализма и диктатуры пролетариата. Она должна исходить

© Никандров А.В., 2024

из положения о народе как источнике государства и права в СССР, то есть о советском народе как источнике советской власти. Это, в свою очередь, приводило к необходимости введения принципа всенародного, то есть общеклассового государства, что входило в конфронтацию с основоположениями марксизма. Марксистское учение о классовой природе государства создавало трудности его применения к социалистическому государству, природа которого конструировалась как демократическая. Сложности для теории определялись двойственностью природы (классовая и демократическая) социалистического государства. В статье анализируется предыстория доктрины общенародного государства, введенной в действие в качестве официального обозначения новой политической сущности Советского государства в третьей Программе КПСС, принятой на XXII съезде в 1961 г. Этой доктрине предшествовала концептуализация понятия «всенародное государство» в проекте третьей Программы ВКП(б) 1947 г. Данное понятие, в свою очередь, уже апробировалось ранее как экспериментальное нововведение без проработанной теоретической базы: впервые термин появляется и почти сразу исчезает весной 1936 г., до опубликования проекта Конституции. Автор показывает, как постепенно, с использованием марксистской терминологии, И.В. Сталин и сталинские теоретики и идеологи пытались подойти к провозглашению СССР всенародным государством, насыщая классовую конструкцию советского общества новыми «внеклассовыми» концептами. При этом классовый дискурс пролетарского интернационализма не терял силы, но подвергался определенной трансформации, становясь частью советской внешнеполитической риторики, в том числе одним из важнейших принципов саморепрезентации СССР.

Ключевые слова: Советское государство, диктатура пролетариата, бесклассовое социалистическое общество, всенародное государство, И.В. Сталин, Конституция СССР 1936 г., проект Программы ВКП(б) 1947 г., третья Программа КПСС 1961 г.

Antinomy of Classes and People in the Soviet Socialist State Theory: The Concept of “All People’s State”

Aleksey V. Nikandrov

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

E-mail: bobbio71@mail.ru

Received 24.01.2024, revised 09.04.2024, accepted 27.04.2024

Abstract. The creation of a theory of a socialist state on the basis of the theoretical Marxist heritage became one of the most urgent tasks that Joseph Stalin faced. The works of Karl Marx and Friedrich Engels did not contain specific provisions about the essence of the socialist state. Only in Vladimir Lenin’s works did the concept of a “socialist state” appear, and the theory of the socialist state gradually began to take on clearer contours, but death did not allow him to create any detailed theory. By the end of the 1920s, it became clear that the theory of a socialist state could not be based on the principles of proletarian internationalism and the dictatorship of the proletariat, which had received special development in the works of the classics of Marxism. This theory should have been built only on the principle of the people as the source of state and law in the USSR, i.e. the So-

viet people as the source of Soviet power. This in turn led to the need to introduce the principle of the all people's state (state of the whole people), i.e. classless society. Such a formulation inevitably and directly came into confrontation with the axioms of Marxism. The Marxist doctrine of class nature of the state experienced significant resistance when applied to the socialist state. The duality of the nature of the socialist state (class and democratic state) determined the difficulties for the development of the theory of this state. The article analyzes the prehistory of the doctrine of the all people's state, which was brought into effect as an official designation of the new political status of the Soviet state at the 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU). This was preceded by an attempt to conceptualize the term "All People's State" in the 1947 Draft of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (AUCPB) Program. The new concept was not part of the new theory of the socialist state; it was tested as a risky and experimental innovation without an appropriate theoretical basis. For the first time, this term appeared and almost immediately disappeared in the spring of 1936, before the publication of the draft Constitution. The article shows how Joseph Stalin and Soviet theorists and ideologists of the Stalin era, using Marxist terminology, slowly approached to proclamation of the USSR as an "all people's state", gradually filling the class structure of Soviet society with new "non-class" concepts. At the same time, the class discourse of proletarian internationalism did not lose its theoretical potential. It was subjected a specific transformation, becoming the part of Soviet foreign political rhetoric, including one of the most important principles of self-representation of the USSR.

Keywords: Soviet state, dictatorship of the proletariat, classless socialist society, all people's state, Joseph Stalin, the 1936 Constitution of the USSR, the 1947 draft AUCPB Program, the third CPSU Program of 1961

For citation: Nikandrov A.V. Antinomy of Classes and People in the Soviet Socialist State Theory: The Concept of "All People's State", *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 47-70. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_47

Введение

Третья Программа КПСС, принятая в 1961 г. на XXII съезде партии, кардинально изменила всю идейную архитектуру советского государственного строительства, структуру теории советского государства и права, общественно-политическую мысль СССР. Диктатура пролетариата в новой Программе была объявлена исполнившей свою миссию и тем самым исчерпанной, а социалистическое государство провозглашено общенародным. Выступая как бы от имени партии, рабочий класс констатировал исчерпание своей диктатуры, сложил перед лицом народа полномочия диктатора, отказался от этой магистратуры и торжественно возвратил народу его республику – как некое достояние или, точнее, собственность, принадлежащую народу изначально. Получилась «возвращенная», «восстановленная» республика – *res publica restituta* в стиле императора Августа (Межеричский 2016; Никандров 2019).

По определению одного из ведущих советских теоретиков общенародного государства постсталинского периода Ф.М. Бурлацкого, «общенародное государство есть орган власти всего народа. Народ – единственный источник власти, верховный законодатель, верховный исполнитель

и верховный судья в государстве» (Бурлацкий 1963: 123). Ученый подчеркивает: «Государство существует века и тысячелетия, и всегда оно выступало как орудие господства одного класса над другими... И только... в Советском Союзе осуществилось коренное преобразование природы государства, начатое социалистической революцией. Государство, служившее в прежние времена одному классу, стало орудием всего общества, средством выражения его воли, его интересов, идеалов и целей» (Бурлацкий 1963: 4). Такая постановка вопроса о государстве заставляет вспомнить политические идеалы республиканского Рима. *Res publica*, писал немецкий филолог-античник Р. Гейнце, «для римлян идентична *res populi*. Это значит – “принадлежащее” народу, преимущественно в самом общем смысле – “дело народа”. Не в конкретном вещном смысле, но отвлеченно – то, что охватывает всю сферу интересов народа как общности» (цит. по: Межерицкий 2016: 222). Советское государство в 1961 г., когда состоялся первый полет человека – гражданина СССР – в космос, в плане политического устройства уподобилось величественному древнему Риму, став государством всего народа.

На XXII съезде КПСС были приняты и другие доктринальные инновации: партия пролетариата становилась партией всего народа; устанавливались сроки построения коммунизма в ближайшей перспективе (20–30 лет); концептуализировалась мировая система социализма; провозглашался принцип мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств. Третья Программа партии получила название «хрущевской», хотя истинным «автором» (речь, конечно, может идти об инспирации, общем руководстве) всех ее инноваций был вовсе не Н.С. Хрущев. Ввиду выраженного немарксистского характера понятий «общенародное государство» и «партия всего народа», а также излишне оптимистичного срока ожидания коммунизма, Хрущев как «автор» Программы, равно как и сам этот документ, спровоцировали волну критики (прежде всего, со стороны китайских коммунистов, обвинивших Хрущева в ревизионизме), главным объектом которой был принцип общенародного государства. Явная контрмарксистская формула не могла не вызвать непонимания, а то и возмущения: в марксизме любое государство, в том числе социалистическое, является классовым, и по этой причине оно не может быть общенародным, то есть общеклассовым.

Существование классов в «новой» теории и риторике под сомнение, однако, не ставилось. Напротив, в классическом сталинском ключе утверждалось, что в Советском Союзе имеются два дружественных класса и прослойка – интеллигенция; рабочему классу при этом принадлежит руководящая (ведущая) роль, которую он получил как бы взамен диктатуры. Хотя диктатура эта и была магистратурой *ad tempus incertum* (лат. «на неопределенный срок»), срок ее действия после 1936 г. истек. Тем не менее до 1961 г. «государство диктатуры пролетариата (рабочего класса)» в литературе оставалось обозначением политической сущности СССР, хотя эта формула после 1936 г. стала употребляться значительно реже. С течением лет к общенародному государству привыкли. Ученые и идеологи согласились с тем, что выдвигание данного принципа в 1961 г. было в целом правильным; что

обновленную сущность (точнее, результат развития сущности) Советского социалистического государства надо было определить и утвердить четко, а предикат «общенародное» для этого вполне подходил; что в любом случае «государство диктатуры пролетариата» для названия политической сущности или природы Советского государства уже давно, во всяком случае, после Конституции 1936 г., не годилось.

Что такое всенародное государство?

В 2016–2017 гг. был опубликован проект Программы ВКП(б), составленный в 1947 г.¹, а вместе с ним и некоторые сопутствующие документы². Стало ясно, что базовые принципы и новации третьей Программы КПСС впервые были сформулированы именно в этом проекте. Главным инспиратором проекта, несомненно, был тот, кто только и мог быть таковым, – И.В. Сталин, а основное кураторство осуществлялось А.А. Ждановым³.

Нововведениями проекта 1947 г. были: всенародное государство как новое определение сущности социалистического государства; провозглашение партии как авангарда всего народа; постановка цели – построение коммунизма за 20–30 лет. Формула всенародного государства отнюдь не была чем-то совершенно новым даже к 1947 г.: впервые в советской риторике она появляется в апреле-мае 1936 г., перед опубликованием проекта новой Конституции СССР. Конструкции «партия как авангард народа» и «партия всего народа» в советской риторике были апробированы примерно в то же время и стали ротироваться после принятия Конституции 1936 г. на основе принципа партии как ядра организаций трудящихся, введенного в ст. 126. Что касается построения коммунизма за 20–30 лет, то о нем как о реальной перспективе развития советского общества стали утверждать уже на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г.: съезд констатировал, что СССР вступил «в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»⁴.

Отдельным неординарным моментом проекта 1947 г. была его наполненность пафосом социалистической цивилизации. Этого в Программе 1961 г. оставлено не было: ее составители по неясной причине исключили упоминания о цивилизации во всех контекстах. Вполне возможно, что реалии культуры и *самоощущение* сталинской эпохи отсылали, опосредованно или напрямую, к образу и идеям Древнего Рима: высшее выражение сталинской архитектуры – Дворец Советов – ярко показывает, что из всего мирового культурного наследия, как справедливо утверждал Д.С. Хмельницкий,

¹ Первая публикация осуществлена ученым и общественно-политическим деятелем В.В. Трушковым в 2016 г. в ряде выпусков газеты «Правда».

² Более подробно см.: (Журавлев, Лазарева 2017; Трушков 2018).

³ Именно этот текст в 1958–1961 гг. был переработан под эгидой Н.С. Хрущева и под руководством Б.Н. Пономарева.

⁴ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. 1939. Москва : Госполитиздат. С. 650.

«имперским вкусам Сталина Рим оказался ближе» (Хмельницкий 2006: 92). Можно предположить, что именно эти аллюзии оказались чужды не только Хрущеву и хрущевцам, но и всему постсталинскому времени. О том, что в области культуры и особенно архитектуры СССР во многом является преемником Рима, говорили многие деятели советской культуры сталинской эпохи, например, А.В. Щусев, А.Н. Толстой и др.⁵

В.В. Трушков обращает внимание на то, что в своих воспоминаниях соратники Сталина, прежде всего, В.М. Молотов и Л.М. Каганович, наверняка хорошо осведомленные о проекте 1947 г., не оставили ни одного намека на него и на события вокруг него: они «ни разу не упомянули о том, что вопрос о третьей Программе партии, которая была принята XXII съездом КПСС в октябре 1961 года и наречена “хрущевской”, был впервые поставлен много раньше» (Трушков 2018: 36). Хотя проект 1947 г. был отправлен в архив, а разговоры о нем едва ли могли приветствоваться как при позднем Сталине, так и при Хрущеве и Брежневе, в советской политической литературе можно отыскать упоминание о нем: его сделал хорошо информированный обо всех перипетиях партийной программы Ф.М. Бурлацкий. В своей знаменитой работе «Ленин, государство, политика»⁶ он утверждал, что после войны началась работа над новым документом, и «в сохранившемся наброске этой Программы, составленном в 1947 г., уже прямо указывалось, что государство диктатуры пролетариата СССР преобразовывалось во всенародное государство» (Бурлацкий 1970: 365). Конечно, это упоминание мимолетно, оно сделано как бы вскользь, но явно не просто так. Автор, по всей видимости, очень хотел поделиться информацией и, чтобы цензура пропустила фразу, был вынужден назвать документ не проектом, а наброском, который к тому же сохранился случайно. Зачем для ученого, симпатизирующего Хрущеву и испытывающему антипатию к Сталину, было делиться этим секретом, атрибутируя инспирацию новаторской и демократичной по существу третьей Программы КПСС Сталину? Вероятнее всего, ученый хотел показать свою осведомленность и участие в перипетиях разработки (точнее, переработки) и принятия третьей Программы КПСС.

В окончательном варианте проекта Программы 1947 г. утверждается, что «диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую

⁵ Поскольку затронута тема культуры и культурной преемственности, важно упомянуть и проблему антиномии новизны советской культуры, во многом порывающей со «старой» традицией, и ее связи с прошлым, которая как раз стала восстанавливаться начиная с 1930-х гг. в контексте «сталинского поворота», нацеленного не столько на «восстановление», сколько на специфическое использование символов и артефактов прошлых культур и цивилизаций. Рим находился в этом процессе под особым «прицелом», но в постсталинские годы отошел на второй план. В любом случае именно в 1930-е гг. был задан и в первоначальном виде сконструирован особого рода культурный код советского. Более подробно см.: (Скоробогачкая, Скоробогачкий 2020: 55-63).

⁶ Она знаменита тем, что в ней впервые в советском дискурсе в концептуальном смысле вводятся понятия западной политической науки: политическая система, политический режим, политическая культура.

миссию», и «Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство» (цит. по: Журавлев, Лазарева 2017: 176). Сама формулировка «всенародное государство» явно отсылает к римской *res publica* и возвышенной максиме *res publica est res populi* (то есть государство как всенародное достояние); здесь не вполне отчетливо, но все же просвечиваются понятия Ж.-Ж. Руссо «народ-суверен» (*peuple souverain*) и его «общая воля» (*volonté générale*). К тому же следует заострить внимание на том, что всенародное государство не исключает, а скорее предполагает монархический принцип правления. Сталинское государство предстает именно как всенародное, причем такое, в котором единовластие не противопоставляется, а отождествляется с истинной демократией: всенародная демократия и всенародная монархия – одно и то же. Это хорошо подмечает Р.К. Баландин: «Сталин был поистине народный вождь. Он являлся гарантом *народной демократии*» (Баландин 2019: 233).

Предикат «всенародное» потенциально вбирает в себя принцип монархизма, одновременно затеняя и освещая его. Л. Фейхтвангер в своей книге о Сталине «Москва 1937», в небольшой главе «Демократический диктатор», приводит высказывание некоего таинственного филолога, якобы встреченного им: «Чего вы, собственно, хотите? – спросил меня шутливо один советский филолог... – Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?» (Фейхтвангер 1937: 46-47). В конце книги немецкий интеллектуал как бы резюмирует: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножателем” во всех отношениях» (Фейхтвангер 1937: 67)⁷. Императора Августа по многим параметрам также вполне правомерно назвать демократическим диктатором.

При любом понимании и любой концептуализации принципа всенародного государства невозможно приглушить его, как было подчеркнуто, выраженное немарксистское звучание. Невозможно также отделаться от претензий и напоминаний о борьбе Маркса и Энгельса с лассальянством, о критике Готской программы и вообще от тезиса о народном государстве, популярном в среде немецкой социал-демократии последней четверти XIX в. Отчего же составители проекта партийной программы, безусловно вдохновленные И.В. Сталиным и действующие под его ауспичиями, знавшие обо всех идейных перипетиях концепта «народное государство», пошли на риск открытого оппонирования марксистским идеям? Общую логику советских идеологов можно раскрыть таким образом: если при капитализме ни о каком народном государстве не может идти речи, то социализм, напротив, вполне позволяет и даже обязывает так ставить вопрос,

⁷ Может быть, тот факт, что Цезарь был еще филологом, автором лингвистического трактата по проблемам грамматики и происхождения языка “*De analogia*”, и наваял немецкому писателю образ филолога, поделившегося с ним столь неожиданным выводом. Вообще филология – странная любовь цезарей: в 1950 г. филологом станет и Сталин.

ибо народ более не разделен на антагонистические классы и являет собой единство, целостность. Однако классы, мало того что не ушли полностью в историю, но уходить с исторической сцены в обозримой перспективе не собирались, – как же можно вести речь о всенародности? Более того, пролетариат был не просто классом, а диктатором, определяющим всю политику и своими силами сообщающий единство трудящимся массам, то есть был тем, кого принято именовать сувереном. Если переставить на место суверена народ, то старого суверена (диктатора) необходимо сместить. Простого объявления о выполнении диктатурой исторической миссии и внезапной констатации прекращения полномочий тут недостаточно: необходимы обоснование и техничная подводка. Поэтому сам факт введения в 1947 г. в текст проекта высшего партийного документа термина «всенародное государство» обязывает предположить, что этому предшествовала какая-то большая и сложная история. Именно так оно и было.

По мере развития социалистического строительства перед советскими теоретиками во главе со Сталиным встал ряд задач, которые не могли быть решены в рамках марксизма-ленинизма. Каким образом на основе марксизма классиков (или, как говорят, «исторического марксизма») в его развитии В.И. Лениным построить теорию социалистического государства, притом что диктатура пролетариата как принцип не подходит для решения задач государственного «теоретического строительства»? Как в концепцию социалистического государства, по природе демократического, «вписать» партию? Понятно, что у Маркса и Энгельса были только общие идеи, касающиеся в основном вопросов историософского плана; Ленину пришлось решать проблемы теоретического конструирования собственно государства, которое должно вписываться в интернационалистическую парадигму марксизма и при этом иметь вид именно государства, со всеми признаками, функциями и целями такового, а также с особым образом развитым принципом демократизма. Ленин вводит термин «социалистическое государство» и намечает теоретические контуры, но ему не было суждено довести эту работу до конца.

Следует кратко отметить проблему возможности конструирования социалистического государства при аксиоматичном признании сохранения его классовой природы вплоть до коммунизма. Поскольку смысл социалистического государства, его сущность состоит вовсе не в классовости, а в демократизме, крайне сложно осуществлять действительное развитие теории государства при социализме, оставаясь в плену классового подхода, несущего теоретикам трудности при его применении к теории социализма. Эти трудности легко увидеть, если вспомнить о концепте социалистических классов и проблеме классового единства советского общества. Сталинская мысль не могла прямо заявлять о «классовом единстве» (само словосочетание в марксистской парадигме невозможно) хотя бы и неантагонистических классов (только об общности интересов, дружественности и т.п.) и была вынуждена прибегать к нетривиальным (и, конечно, немарксистским) способам конструирования единства общества, народа (трудящихся) и государства. Постсталинская

мысль могла действовать более смело и решительно, но и она не вышла из плена классового подхода.

Также следует поставить вопрос, зачем, собственно, было необходимо сохранять верность марксизму? Почему бы не отбросить марксизм (разумеется, плавно, поэтапно) и не связать идею всенародного государства с теми идеями и мыслителями, с которыми она и должна быть связана? Тут не следует соблазняться простыми ответами. Обычно дело сводится к невозможности иначе чем только в марксистской парадигме легитимизировать обобществление частной собственности, социалистическое переустройство общества и власть правящей партии. Но дело было не только в этом: *ни одна* идейная система, кроме марксистской, не могла предложить концептуальную схему, отражающую и как минимум риторически разрешающую основное противоречие СССР – противоречие и диалектическое единство Советского государства и советской сверхдержавы (или, на старый манер, империи) в лице единого Советского Союза.

СССР был историческим наследником и продолжателем Российской империи, но он выстраивался на совершенно иных *идейных* основаниях (а империй, которые были бы лишены идейного фундамента, идеологического базиса, не существует). Не прибегая к мессианскому принципу пролетарского интернационализма, *идейные строители СССР* не могли конструировать новое сверхгосударство именно как СССР, союз социалистических по природе государств, – потенциально общемировой, если не *всеисторический* союз, прообраз грядущего всемирного коммунистического бесклассового и безгосударственного общества. Однако, не прибегая к категориям «народ», «государство», «суверенитет», невозможно осуществлять теоретическое строительство любого государства, хоть социалистического, хоть потенциально отмирающего. Каким иным образом государство может предстать перед народом, как оно может развернуть собственную философию – философию государства, то есть, в общем ключе, *государственную идеологию*? Речь идет о том, что Г. Моска называл *formula politica* («политическая формула») – нечто вроде доверительной исповеди-проповеди власти перед народом, разъясняющей ему, *что* она, власть, ему предлагает, и почему ей можно и нужно доверять. Такое саморазъяснение должно быть убедительным, оно не может опираться исключительно на вне- или наднациональные концепты и принципы интернационализма, единства всех трудящихся мира под эгидой субстанциально единого мирового пролетариата. Очевидно, что идейный комплекс «мировой пролетариат – мировая пролетарская революция» не имеет отношения к любому конкретному государству, между тем это государство строится, и строит его конкретный народ. Для СССР как государства подходила схема: советский народ – Советское государство – компартия Советского Союза, то есть государственная партия – вождь Советского государства. Всенародное государство при этом – удачная и понятная, в должной мере эластичная *formula politica*, в которой национальные (народ-суверен и т.п.) и интернациональные (братство всех народов, общность всех трудящихся) мотивы находятся, с определенными оговорками, в равновесии.

Государство, в свою очередь, может быть названо и всенародным, и классовым, и пролетарским, и руссоцентричным, и каким угодно иным (хоть монархическим); для империи же, подчеркнем еще раз, требуется «мессианское оформление», апелляция к неким универсальным историко-софским целям и принципам, имеющим авторитетные источники: «священные» книги, великие мыслители и деятели. Ничего, кроме марксизма с его классовой борьбой, пролетарским интернационализмом (или пролетарским глобализмом), найти было нельзя. Для СССР как для коммунистического сверхгосударства, центра мирового коммунизма подходила схема: массы (трудящиеся) – пролетариат (авангард трудящихся) – пролетарская партия («боевой штаб» пролетариата) – государство диктатуры пролетариата, не предполагающее фиксированных границ. Пролетарский интернационализм, всемирная социалистическая революция и грядущее всечеловеческое царство коммунизма – вот мессианская, универсальная идея, которая была в распоряжении у советских идеологов. Ко всему прочему, риторика пролетарского братства отлично себя проявила в строительстве собственно СССР как многонационального государства.

Однако и принцип всенародного государства (без жесткой акцентуации государствообразующего народа) имел международное значение – во взаимодействии и с капиталистическим миром («недиктаторская» репрезентация СССР⁸), и с социалистическими странами. Это особенно отчетливо проявилось как раз к середине 1940-х гг., когда стали вполне ясны перспективы и контуры геополитической архитектуры, каркасом которой должна стать (и стала) биполярная система с двумя противостоящими полюсами – квазиимперскими центрами, или сверхдержавами. Ясно, что в таком раскладе диктатура пролетариата, в смысл которой была включена необходимость расширения, «не работала». Точнее, «не работала» она давно, и к этому времени была почти выведена из советской риторики, особенно из той ее части, которая касалась международных отношений. Социалистический блок должен получить, и постепенно получал, новые основания, новый (точнее, перестроенный) теоретический фундамент: сотрудничество народов и государств на основе совместного строительства социализма, социалистическое содружество без отрицания национальной идентичности и суверенности стран содружества. Интернационализм сохранялся, но приобретал все более служебную роль, становясь риторическим флером установления кольца дружественных стран вокруг метрополии. Однако без универсалистской, историософской риторики строительство мировой системы социализма

⁸ Сложно, в самом деле, устанавливать отношения с Западом, представляясь диктаторским государством: едва ли капиталисты всерьез воспримут ленинские слова о том, что диктатура пролетариата в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики. Поэтому для Сталина, по словам А.В. Елисеева, «не очень удобным было и говорить о диктатуре. Ведь диктатура – это власть, особо не связанная никакими законами. А Сталин хотел, чтобы создаваемая им государственно-политическая система основывалась на твердой правовой базе, которая выглядела бы лучше, чем выглядела таковая на Западе» (Елисеев 2018: 142-143).

было невозможно. При этом принцип всенародного государства, при всем контрасте с принципами интернационализма и классовой солидарности, не входил с ними в неразрешимое (хотя бы риторически) противоречие.

Таким образом, новое определение сущности Советского государства было бы понятным и приемлемым в новой геополитической реальности второй половины 1940-х гг. При этом в продолжение линии сталинского «консервативного поворота» 1930-х гг. партиецентризм сменялся народо- и государствоцентризмом, притом что сама партия становилась (все) народной и «государственной». Мировой пролетариат переставал быть референцией риторики и тем более советской идеологии. Он перемещался одновременно в прошлое и будущее, в очень отдаленное будущее. Как видно, всенародное государство – очень уместный и своевременный термин. Несмотря на все это, Сталин не дал хода проекту новой программы, и это остается совершенно непонятным, учитывая тот факт, что «всенародное государство» было «изобретено» отнюдь не в 1947 г. Постепенное приближение к этому принципу велось советской политической мыслью (при инспирации Сталина) как теоретическое квазимарксистское сопровождение «сталинского поворота» 1930-х гг. В сфере теории государства этот поворот («великое отступление», по Н.С. Тимашеву, или «сталинский термидор», в критической оценке Л.Д. Троцкого) проводился наступательными методами, в борьбе за преобразование («преображение») и в итоге преодоление («снятие») марксизма, но с помощью марксизма же, с использованием марксистской терминологии. При этом «постепенный взрыв» марксизма подавался, разумеется, как его диалектическое развитие. Теория корректировалась нужным (Сталину) образом, но это презентовалось как нечто вроде ее саморазвития в рамках логики «творческого марксизма». Как же это происходило?

**Марксизм – это не догма:
как с помощью марксизма построить всенародное государство**

В марте 1936 г. в интервью Р. Говарду, помимо тезиса о возможности мирного сосуществования американской и советской политических систем и опровержения обвинений в экспорте революции, Сталин предложил неординарное объяснение того факта, что в СССР существует одна правящая партия. Если исходить из признания его государством диктатуры пролетариата, то обосновывать «принципат» ВКП(б) как авангарда пролетариата особой нужды не было. Но у Сталина была иная цель, поэтому предложенное им обоснование иное: «Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни – рабочих, крестьян, интеллигенции. <...> Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса» (Сталин 1997: 111). Итак, «нет классов», но при этом «грани между

классами стираются», и в остатке – «не коренная разница между прослойками». Такое описание ситуации, новый «неклассовый анализ», представляет собой в высшей степени интересный разворот мысли от классового принципа в сторону нового принципа бесклассовой организации социалистического общества.

С.Н. Магнитов и О.А. Матвейчев по этому поводу пишут: «Сталинский перемонтаж марксизма носил фронтально-казуистический характер, о чем свидетельствует жесткая полемика с троцкизмом, который совершенно справедливо таранил Сталина простыми вопросами именно в духе марксизма: *а если партия одна, она совмещена с государством, то зачем тогда партия вообще, зачем дублер?* Не значит ли это, что партия теряет признаки партии и становится чем-то другим? <...> *Зачем даже одна партия, если классы отсутствуют?*» (Магнитов, Матвейчев 2023: 393). В самом деле, противоречия сталинского дискурса не укрылись от Л.Д. Троцкого, и он сделал вывод, что из рассуждения Сталина «вытекает не то, что в СССР не может быть разных партий, а то, что там не может быть ни одной партии: ибо где нет классов, там вообще нет места для политики» (Троцкий 2024: 303). Суть же рассуждения Сталина от Троцкого укрылась: оно состоит в том, что пролетарская партия («часть класса») становится государственной, то есть частью государственной конструкции (определенно «несущей»), и, исходя из этого, потенциально общеклассовой, то есть всенародной. Определение «партия» является изначально некорректным для обозначения этой ведущей силы Советского государства, но сохраняет свою объяснительную силу и историческую убедительность. Конечно, подобных экспликаций Сталин не делает и подобных выводов прямо не формулирует, а недостатки логики прикрываются (не слишком успешно) риторикой.

Откуда взялось понятие «всенародное государство»? Известно, что в 1926 г. М.И. Калинин обмолвился об общенародном государстве⁹, но до 1936 г. это был единственный случай такого рода. Дело, понятно, не столько в самом словосочетании, сколько в контексте, целях его применения. Ведь и словосочетание *res publica* бытовало до того, как было концептуализировано Цицероном, однако только после этой логико-политической операции оно стало частью широкой политико-теоретической панорамы. Как Цицерон в идеологических целях сконструировал новое обозначение для римской общины, *civitas*, так и сталинские идеологи – «коллективный Цицерон» – при концептуализации нового термина преследовали идеологические и пропагандистские цели. Термин «всенародное государство» был одновременно брошен в советскую политическую мысль в апрельско-майских публикациях 1936 г. Они принадлежали весьма статусным авторам, среди которых Н.А. Вознесенский, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, А.Я. Вышинский, Е.Б. Пашуканис, А.И. Стецкий, В.Г. Кнорин и др.

⁹ Он писал, что «пролетарское государство будет превращаться постепенно... в государство общенародное, имеющее уже новый смысл и содержание (устремление к коммунизму)» (Калинин 1975: 128).

Из всех текстов апреля-мая 1936 г. возьмем тот, в котором дается самая развернутая и обоснованная концептуализация всенародного государства. Это статья М.Б. Митина «О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве». Автор, основываясь на сталинском пассаже о классах из интервью Р. Говарду, рисует картину социально-политической динамики советского общества: «От классового общества – к социалистическому обществу, состоящему из тружеников города и деревни, из различных прослоек социалистического общества: рабочих, крестьян, интеллигенции, – таков грандиозный путь, проделанный нашей страной под руководством коммунистической партии» (Митин 1936: 5). Социалистическое общество, если судить по этому пассажи, рисуется как *неклассовое*. Отсюда и новая конструкция партии: она представляется одновременно подлинно пролетарской и подлинно народной. «Большевицкая партия – подлинно пролетарская партия. И в то же время большевицкая партия всегда боролась и отстаивала действительные интересы большинства народа. В настоящее время... наша партия выступает единственной и подлинно народной партией» (Митин 1936: 8). Равным образом и государство: «Новая Советская конституция... будет первой в мире конституцией *социалистического общества*, конституцией *социалистического, всенародного государства*. <...> Наше социалистическое государство является единственным и подлинно народным государством» (Митин 1936: 14). Итак, общество неклассовое, партия народная, государство всенародное. Такова логика этого текста сталинского идеолога.

М.Б. Митин, как и другие теоретики всенародного государства апреля-мая 1936 г., действующие под эгидой Сталина, рисуют картину превращения советского общества в общество свободных тружеников, государство которых, в целом являющих собой единый народ, не может быть никаким иным, кроме как всенародным. Но что делать с диктатурой пролетариата? Для ее устранения, утилизации Сталину необходимо было перестроить (незаметно, соблюдая теоретическую корректность) весь марксистский каркас. Поэтому пролетариат для начала растворяется в более общем понятии «трудящиеся», которое является временным субститутом для понятия «народ». Одновременно проводится и «возвышение» народа в виде концептуального усиления Советов. Эти две одновременных операции приводят к результатам, представленным в Конституции 1936 г., где трудящиеся становятся обладателем, источником и основой власти, а диктатура пролетариата при этом перемещается в прошлое, становясь ценным достоянием истории, утратившим, впрочем, актуальность. Противоречива вся конструкция иерархии власти: СССР является, как и в тексте Конституции РСФСР 1925 г., «социалистическим государством рабочих и крестьян» (ст. 1)¹⁰; но теперь,

¹⁰ Следует особо оговорить, что понятие «социалистическое государство рабочих и крестьян» до Конституции 1936 г. не имело общесоюзного значения, как, впрочем, и того теоретического смысла, который был придан термину в этой Конституции. В конституциях союзных республик, принятых на основании Конституции СССР 1924 г., большинство республик определялись как социалистические государства рабочих и крестьян; но не все: Белорусская ССР определялась как *социалистическое государство диктатуры пролетариата*.

в 1936 г., «вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (ст. 3); эти Советы, «выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата», составляют «политическую основу СССР» (ст. 2).

Казалось бы, первая статья вставлена исключительно для подчеркивания классового состава и никакого другого смысла не несет, поскольку рабочие и крестьяне (имплицитно и интеллигенция) сливаются в едином отряде трудящихся. Однако сложно не заметить, что диктатура пролетариата утилизирована уже в этой статье: формулировка «государство рабочих и крестьян», усиленная специальным квазисинонимичным уточнением «трудящиеся города и деревни», ставит диктатуру под сомнение. Рабочие и крестьяне на равных выступают как *personae* власти, между ними не прописаны отношения подчинения, одна персона власти не превосходит вторую¹¹. В ст. 2 и 3 они сливаются в единый властвующий субъект – трудящиеся. «Власть трудящихся» – это совсем не то же самое, что диктатура пролетариата, которая в ст. 2 как бы уводится в прошлое, смещается из центра дискурса на периферию; превращается в некое средство для укрепления Советов. Трудно представить, какие мучения пришлось претерпеть составителям Конституции, в том числе и главному – Сталину, чтобы, оставив диктатуру пролетариата, при этом избавиться от нее. В итоге получились, как в афоризме Наполеона, коротко и неясно. Нет сомнений, что цель была именно такой: социалистическое государство – *уже не и одновременно все еще* диктатура рабочего класса.

Современница событий, советская писательница, на тот момент политик М.С. Шагинян в том же 1936 г. делилась своими впечатлениями: «Некоторых читателей смущают три первых статьи первой главы Конституции. В первой статье – у нас государство *рабочих и крестьян*, во второй – у нас советы депутатов *трудящихся*, в третьей – вся власть у нас принадлежит *трудящимся города и деревни*. Некоторые воспринимают это как разночтение и предлагают всюду ставить одно определение: “трудящиеся”. Лично мне кажется, что эти обозначения поставлены не зря, что они дают историческую функцию развития нашего населения, и менять их сейчас – значит лишить Конституцию историчности, уничтожить память о социальном происхождении первого в мире социалистического государства» (Шагинян 1936: 90-91). Объяснение довольно-таки сомнительное: зачем вообще было вводить в Конституцию «историчность»; и каким образом внесение ясности в фундаментальные положения Конституции может «уничтожить память о социальном происхождении первого в мире социалистического государства»? В.М. Молотов в интервью Ф.И. Чуеву будет говорить, что «если вчитаться в нашу Конституцию, Сталин там немного заложил против дик-

¹¹ Многие идеологи более поздних лет (например, тот же Ф.М. Бурлацкий) акцентировали этот момент, утверждая, что СССР, преобразовавшись из государства рабочего класса в государство рабочих и крестьян, является государством двух классов, а не одного пролетариата, то есть, иными словами, не является диктатурой.

татуры пролетариата. <...> Там примерно сказано так, что наша Советская власть родилась в 1917 году как диктатура пролетариата и стала властью всех трудящихся. Уже “всех трудящихся”. <...> По-моему, это в завуалированном виде пересмотр: не диктатура пролетариата, а власть трудящихся» (Чуев 2000: 354). Однако именно в докладе В.М. Молотова на XVII конференции ВКП(б) в 1932 г. закладываются основы теоретического поворота в сторону элиминации классов вообще, пролетариата (и его диктатуры) в частности. XVII конференция открывает бурный поток риторики бесклассового общества, ликвидации «классов вообще».

В докладе «О второй пятилетке» В.М. Молотов заостряет внимание на политической установке, выраженной в тезисе о том, что «основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще... превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Докладчик акцентирует именно ликвидацию классов вообще, выдвигая достаточно спорное основание, суть которого в том, что «полная ликвидация капиталистических элементов и полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, означает тем самым и ликвидацию классов вообще». Но если «полностью ликвидированы источники классовых различий», то, задает риторический вопрос Молотов, «о каких же классах можно тогда говорить? Тогда и о классах в собственном смысле слова уже говорить нельзя»¹². Такова молотовская квазимарксистская эквилибристика, придуманная явно не им самим: термин-оксюморон «бесклассовое социалистическое общество» встречается у Сталина уже в 1927 г.¹³ Смысл попытки введения в теорию термина «бесклассовое социалистическое общество» ясен: подвести теоретическую базу под всенародное государство без риска чрезмерно широко оперировать термином «дружественные (социалистические) классы» или, как выше было замечено, прибегать к рискованной формуле классового единства (хоть и при социализме).

Если следовать марксистским канонам, то «бесклассовое социалистическое общество» – конструкция невысказанная, но речь идет как раз о «деконструкции» марксизма в его классическом виде. Марксизм-ленинизм настаивает на одновременности протекания довольно-таки длительных процессов исчезновения классов и «отмирания», «засыпания», «снятия» государства. В сущности, это один процесс. Молотов, однако, ввиду наличия внешнего враждебного капиталистического окружения, «рассогласовывает», «разводит» эти тенденции: «Ставя задачу ликвидации классов во втором пятилетии, мы еще ни в каком случае не можем и не должны ставить вопроса о ненужности или об отмирании государства. Напротив.

¹² XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. 1932. Москва : Партиздат. С. 143.

¹³ Заметим, что тенденция насыщать первую фазу коммунизма концептами второй наблюдается и в эпоху позднего СССР, когда была создана концепция *социалистического самоуправления народа* (впрочем, получить развитие она не успела).

На данной стадии дело еще идет об укреплении пролетарского государства, об усилении его мощи»¹⁴. Логика государственного мышления советских теоретиков ясна: марксизм-ленинизм, понимаемый как совокупность теорий и концепций Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, может говорить что угодно и о чем угодно (даже об отмирании государства); но марксизм-ленинизм, понимаемый как советская государственная теория и идеология, советский «государственный марксизм», может говорить только то, что он должен говорить в данный момент. Примерно в то время «включается» риторика обострения классовой борьбы и, соответственно, усиления диктатуры пролетариата, но не теряет силы и риторика бесклассового общества, становящаяся постепенно достаточно неуместной: можно ли в ближайшей перспективе вести речь об обществе без классов, а значит, и без пролетариата, притом что он усиливает свою диктатуру и обостряет свою классовую борьбу? Читая литературу тех лет, нетрудно заметить, что для идеологов концепт «бесклассовое социалистическое общество» был головоломкой и объектом преодоления. В самом деле, им сложно было на деле принимать тезис о ликвидации «классов вообще» к окончанию второй пятилетки, то есть во всяком случае к концу 1930-х гг. В итоге сталинские идеологи пришли к выводу, что диалектика уничтожения классов состоит в усилении классовой борьбы и укреплении диктатуры пролетариата.

В 1936 г. в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» Сталин официально, *ex cathedra* переименовывает пролетариат в рабочий класс, а диктатуру пролетариата – в диктатуру рабочего класса (несколько позже и государство диктатуры пролетариата будет звучать как государство диктатуры рабочего класса). Словесная замена – не пролетариат, а рабочий класс – была принципиальна для Сталина: такое акцентирование, равно как и вся риторика «новых классов», показывает, что советская политическая мысль вполне готова к восприятию того, что классов больше не существует, поскольку они, сливаясь, преобразуются в нечто иное, разумеется, менее марксистское. Л.Д. Троцкий, говоря о пролетариате, возмущался, что новая Конституция «хочет растворить его политически в нации, задолго до того, как он растворится анатомически в обществе» (Троцкий 2024: 296). Как было показано при анализе первых трех статей Конституции, диктатура рабочего класса была устранена из *конструкции* государства, от нее осталась только риторика. Но эта риторика была настолько мощной, что даже при всех сталинских «теоретических ударах» диктатура оставалась определяющей составной частью советского политического дискурса.

На XVIII съезде ВКП(б) Сталин представил две фазы новой периодизации истории СССР и подвел итог: «...Мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»¹⁵. Представляет ли это совершенно новое государство все еще диктатуру рабочего класса, не уточняется. Сталин упорно избега-

¹⁴ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. С. 145.

¹⁵ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 35.

ет риторики диктатуры, и остается вопрос, как она может быть размещена относительно двух новосконструированных фаз: осталась ли в первой или имеет силу и во второй. Впрочем, избегает Сталин и риторики бесклассового общества.

Официально достоянием истории диктатура не становится, и рабочий класс вплоть до XXII съезда КПСС остается при своем странном положении «полудиктатора». Риторика же народа и подлинного народовластия, партии подлинного народа становится все сильнее, причем эти риторические линии совмещаются, совпадают. К примеру, А.Я. Вышинский в тексте 1942 г. подчеркивает, что «как государство пролетарской диктатуры, Советское государство является подлинно народным государством. Это его первая и основная особенность» (Вышинский 1949: 246). В учебнике по советскому государственному праву 1938 г. под его редакцией¹⁶ Советское государство называется «пролетарской диктатурой советов депутатов трудящихся» (Вышинский 1938: 155). Создается двойственное впечатление: с одной стороны, диктатура пролетариата сохраняет силу; и мало того что остается актуальной сущностью Советского государства, так еще и постоянно усиливается. Однако одновременно проводится риторика подлинного народовластия и суверенитета народа в лице Советов. К примеру, авторы учебника, с одной стороны, утверждают, что «диктатура рабочего класса крепнет и будет в дальнейшем крепнуть в еще большей мере» (Вышинский 1938: 152); с другой – следующая фраза прочитывается как констатация исполнения диктатурой своей миссии: «Успешное развитие диктатуры рабочего класса, и только оно, могло сделать и сделало исторической реальностью подлинный народный суверенитет. Советы, таким образом, это единственная государственная форма, в которой может быть осуществлен народный суверенитет» (Вышинский 1938: 161). Остается загадкой, ушла диктатура в историю или же нет. Понятно, что в риторике диктатура пролетариата прочно связалась с государством, настолько прочно, что советская мысль не рискует объявить *abdicatio dictaturae* (лат. «отказ от диктатуры»), которое может быть воспринято в смысле утраты государством своих экстраординарных полномочий, диктаторского империума. Поэтому государство диктатуры пролетариата (или рабочего класса) как бы фиксируется в своем становлении ко всенародному государству, но необходимого усилия для «прыжка» от первого ко второму не совершает.

Бесклассовое общество в марксизме – это общество коммунистическое. Если в теории элиминировать классы, продвигая и усиливая риторику бесклассового общества и вместе с тем признавая, что «классовые различия полностью еще не преодолены», то необходимым шагом и выходом из этой запутанной ситуации будет объявление перехода к построению коммунизма. На XVIII съезде Сталин так и поступил, объявив о «постепенном переходе от социализма к коммунизму». Согласно классикам марксизма, государство при коммунизме помыслено быть не может. Сталин, не

¹⁶ Первый учебник по советскому государственному праву, выпущенный на 21-м году существования СССР.

смущаясь, провозгласил, что государство сохранится и при коммунизме (разумеется, обставив этот тезис определенными условиями, не имеющими при столь сильном допущении уже особого значения для теории). Но *какое государство* сохранится в СССР при коммунизме? Надо полагать, это не государство диктатуры пролетариата. Ясно, что лучшим решением было бы провозглашение всенародного государства, ведь для государства при коммунизме такое обозначение было бы оптимальным (конечно, к марксизму это не могло иметь уже в принципе никакого отношения). Интересно, что решение об изменении Программы партии было принято в 1930 г. на XVI съезде, но не было проведено в жизнь. XVIII съезд избрал комиссию по переработке документа и обязал ее представить на ближайший съезд партии новый проект. В комиссию под председательством Сталина вошли многие деятели партии, сыгравшие заметную роль в советской истории: М.Б. Митин, Н.А. Вознесенский, А.Я. Вышинский, А.А. Жданов, М.И. Калинин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Н.С. Хрущев, П.Н. Поспелов.

Итак, государство в сталинской политической мысли сохраняется в любой перспективе и при любом раскладе. Но в этом случае сохраняется и партия. Партия в марксизме (и не только в нем) – часть класса. Но коль скоро «нет классов» (или их «почти нет», или они «еще классы», но находятся «на пути к исчезновению»), как переконструировать в новой системе большевистскую партию, партию рабочего класса? «Партия всего народа» без «государства всего народа» – конструкция сомнительная, и ее апробация не могла быть настойчивой. Идеологи сталинской эпохи уже до XVIII съезда предложили новый способ концептуализации единства народа. Поскольку классы уходят в «фоновый режим», остается существенное и как бы естественное разделение в едином народе на партийных и беспартийных. Однако и это различие подлежало стиранию, для чего после принятия Конституции в процессе первых выборов депутатов в 1937 г. в Верховный Совет СССР в советскую общественную жизнь и мысль вводится и апробируется на практике новый концепт, связанный с оригинальной репрезентацией единства партии и народа, – «блок коммунистов и беспартийных». Он выстраивается на новой интерпретации структуры советского общества, которая более не базируется на классовом делении, превращающемся в малосущественное обстоятельство. Советское общество в этом новом ключе предстает более единым, чем даже общество с дружественными классами. «Блок коммунистов и беспартийных» является новым способом концептуализации целостности народа. Этот блок, по словам М.И. Калинина, «по существу объединяет весь советский народ, поскольку у нас отсутствуют антагонистические классы с их непримиримыми противоречиями» (Калинин 1975: 434).

Заключение

Удалось ли Сталину и советским идеологам решить проблему теоретического создания и обоснования социалистического государства как государства, с одной стороны, имеющего мессианские цели, с другой – постро-

енного по классическим принципам единства народа и государства? И да и нет. Ключ был найден – это принцип всенародного государства. Но он по неясным причинам в сталинское время не был использован – ни в 1936 г., ни в 1947 г. В последние сталинские годы можно с некоторой натяжкой констатировать попытку вновь подвести общественную мысль к возможности введения всенародного государства. Речь идет о работе «Марксизм и вопросы языкознания» (Сталин 1950), где подвергнут некоторому сомнению принцип классовости¹⁷. Однако классы были сохранены – и не просто сохранены, но стали фундаментальной основой социалистического общества, что было прочно утверждено в «Экономических проблемах социализма в СССР» (Сталин 1952). Понятно, что всенародное государство классового общества – именно так представлялось оно в проекте Программы партии 1947 г. – было идеей не до конца логичной, хотя и вполне приемлемой. Программе 1961 г. попросту не хватало авторитета: будь она сталинской, а не «хрущевской», никаких критических замечаний к ней никто не предъявил бы. Трудями ученых и идеологов конструкция общенародного государства классового общества была принята и в дальнейшем достаточно неплохо прижилась в советской общественно-политической мысли. Более того, была дополнена новым положением о развитом социалистическом обществе, опять-таки неизменно классовом.

Одновременно прав и не прав советский литературовед Д.М. Молдавский, когда говорил, что «люди тридцатых годов подчинили себе философские категории» (Молдавский 1984: 15). Идеологи подчиняли категории, но категории подчиняли идеологов. Сложно сказать, кто в итоге оказался сильнее. Получилось ли у Сталина снизить значимость принципа диктатуры пролетариата как сущности социалистического государства? Для ответа на этот вопрос нет смысла обращаться к советской политической литературе как сталинского, как и постсталинского периодов. А вот в произведениях зарубежной оппозиции такой ответ найти можно. Речь идет скорее об оценке сталинской риторики, и ее направленность к утилизации диктатуры пролетариата прочитывалась весьма явно. Л.Д. Троцкий выносит однозначный вердикт: «Где нет капиталистов, там нет и пролетариата, разъясняют творцы новой конституции, а следовательно и самое государство из пролетарского становится народным. <...> Дело идет, короче говоря, о юридической ликвидации диктатуры пролетариата» (Троцкий 2024: 295). Другой оппозиционер – один из авторов «Социалистического вестника» П.А. Гарви – в статье по мотивам обсуждения проекта новой Конституции пишет: «Сдавая в архив, в институт Маркса-Энгельса-Ленина, диктатуру пролетариата, как сделавшую свое историческое дело, Сталин, вдохновитель новой конституции, мотивирует переход к всенародной демократии торжеством социализма в Сов. России» (Гарви 1936: 5). Понятно, что критик Сталина не может поверить в искренность намерений вождя, однако его лексика и терминология в стиле *res publica restituta* говорят несколько больше, чем его анализ: «У нас нет пока оснований поверить в чудо самоупразднения

¹⁷ Более подробно см.: (Никандров 2023).

диктатуры, по выполнении своей исторической миссии насаждения социализма возвращающей народу временно отнятый у него – для его же пользы – суверенитет» (Гарви 1936: 5).

Можно ли было изменить, нивелировать классовый принцип, деактуализировать классовый подход? Точнее, было ли у советских теоретиков во главе со Сталиным желание сделать это? Очевидно, что было. Иначе к чему тогда концепт бесклассового социалистического общества, не очень удачно апробированный на XVII конференции и довольно нелогичным образом отброшенный после XVIII съезда ВКП(б) (если государство движется к коммунизму, то его бесклассовость должна повышаться). Очевидно также, что на марксистском фундаменте, риторически его преобразуя, построить теорию социалистического государства без классов в принципе можно, но, по всей видимости, советские теоретики и идеологи увидели в этом опасность слишком далеко отойти от марксизма. Отсюда и достаточно спорное положение о дружественных классах, и развивающие его тезисы о стирании, падении граней между классами, и невнятная поздняя полемика о диалектике сближения и слияния классов. Как бы там ни было, именно в сталинское время было разработано авторитетное и фундаментальное учение о всенародном государстве при сохранении классовости общества, которое стало основой всего дальнейшего развития теории социалистического государства в СССР, «концептуальным мотором» советской политической теории и идеологии, главный вектор развития которых – народовластие – проявлялся начиная от принципа самодержавия народа из первой Программы РСДРП 1903 г. до уже упомянутого позднесоветского концепта социалистического самоуправления народа.

Насколько вся эта история интересна для нашего времени, и в чем может состоять ее актуальность? В современной российской политике не первый год идет процесс, который очень сильно напоминает «сталинский поворот», или поворот от интернационализма к советскому этатизму, державности, – консервативный поворот, который осуществлялся в 1930-е гг. Как писал автор книги воспоминаний о советской эпохе И.Д. Шабалин, это был «поворот политики ожидания Мирового Октября и его подготовки к политике Абсолютного Государства» (Шабалин 1998: 45). Однако при всем этом марксизм с его интернациональным пролетарским пафосом был не отброшен, а вписан в новые схемы, перелит в «новые меха», ибо, как резюмирует И.Д. Шабалин, «марксизм и имперское мышление не противоречили друг другу» (Шабалин 1998: 149). Конечно, пафос единого государства был важнее; это показывает, к примеру, 1947 г., когда было широко отпраздновано 800-летие Москвы, на фоне которого совершенно затерялся другой, по идее, куда как более значимый юбилей – 30-летие Октября. Более того, в знаменитом сталинском «Приветствии Москве», конкретнее, в части этого текста, касающейся истории Москвы, революционные мотивы не отразились вовсе. По словам А.Л. Махнырева, в сталинском приветствии «не упоминаются революционные заслуги Москвы в 1905 и 1917 г. Это свидетельствует о том, что для Сталина была актуальнее идеологическая линия, связанная с сильной государственностью, вертикалью власти

(Москва как безусловный политический центр), объединяющей общество, чем революционные страницы истории; на первый план для него выходили национально-патриотические сюжеты из отечественной истории, а не сюжеты из истории классовой борьбы» (Махнырев 2023: 99).

Эпизод с 800-летием Москвы свидетельствует не только о важности этатистских мотивов (в чем сомнений нет), но и о том, что Сталину необходимо было лавировать между государствоцентризмом и универсализмом (интернационализмом), соблюдая определенные риторические приемы и правила. Примерно такая же проблема встала в свое время и перед императором Августом, с которым нередко отождествляли Сталина (Л. Фейхтвангер, Р. Роллан). Как пишет Я.Ю. Межерицкий, «для установления прочного мира *требовалась общенациональная идея*, которая объединила бы римское гражданство. Следовало найти решение, не скомпрометированное прошлыми спекуляциями, простое и понятное. Для этого недостаточно было владеть искусством интриги и даже незаурядной политической интуицией. Чтобы учредить стабильный государственный строй, требовалось прежде всего понимать тончайшие нюансы римского политического сознания. <...> В огне гражданских войн испытывались на совместимость, сталкиваясь и мутируя, различные идеи. Так рождалась идеология “восстановления республики”, которая не противоречила бы необходимости централизации Империи» (Межерицкий 2016: 200-201).

Сегодня наша страна испытывает потребность в обретении новой этатистской идеологии, некоей нормативной системы, и обстоятельства во многом аналогичны ситуации 1930-х гг. Российское государство осуществляет поворот к той же цели (суверенное государство с высокой патетикой величия), но от другой точки: не от пролетарского интернационализма, а от глобализма и неолиберализма. Но смысл примерно тот же: отказ от целей, ценностей и установок, в которых государство рассматривается как средство. Очевидно, что государство не может не противиться попыткам вменить ему цели, чуждые по его исторической природе; навязать действия, противоречащие его природе. Само государство не должно служить надгосударственным, наднародным идеалам, которые противоречат его исторической природе, будь то интересы мировой революции или потребности западного глобализма и американской гегемонии.

Конечно, государство может заявлять о готовности служить неким вневременным, историософским целям и иногда проявлять даже решимость всерьез им следовать, но эти цели должны соответствовать соприродным для него идеалам, принимаемым народом, а не навязываемым извне. Совершенно логично и естественно при этом обращение к истории, и изо всех уроков советского (и не только) строительства идеологии самый важный состоит в том, что при всем превознесении своей уникальности не следует забывать и об *универсалиях*, то есть об общекультурных, общецивилизационных принципах и константах мировой истории, культуры, цивилизации. Поскольку Россия имеет фундаментальный характер сверхдержавы, то ясно, что ее идеология не может базироваться исключительно на национальных мотивах, но должна представлять собой слияние

своеобразного и уникального, универсального и общеисторического (ценности современного глобализма и неолиберализма таковыми не являются). В этом и состоит один из важнейших уроков истории идеологии СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баландин Р.К. 2019. Последний год Сталина. Москва : Вече. 416 с.
- Бурлацкий Ф.М. 1963. Государство и коммунизм. Москва : Соцэкгиз. 248 с.
- Бурлацкий Ф.М. 1970. Ленин, государство, политика. Москва : Наука. 526 с.
- Вышинский А.Я. (ред.) 1938. Советское государственное право. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР. 652 с.
- Вышинский А.Я. 1949. Вопросы теории государства и права. Москва : Госюриздат. 424 с.
- Гарви П. 1936. Новая конституция и партийная диктатура // Социалистический вестник. № 13. С. 4-8.
- Елисеев А.В. 2018. Преданный социализм. Москва : Концептуал. 344 с.
- Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. (сост.) 2017. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. Документы и материалы. Москва : РОССПЭН. 646 с.
- Калинин М.И. 1975. Избранные произведения. Москва : Политиздат. 448 с.
- Магнитов С.Н., Матвейчев О.А. 2023. «Контрреволюционер» Сталин. По ту сторону марксизма-ленинизма. Москва : Книжный мир. 580 с.
- Махнырев А.Л. 2023. 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История. 352 с.
- Межеричкий Я.Ю. 2016. «Восстановленная республика» императора Августа. Москва : Русский фонд содействия образованию и науке. 992 с.
- Митин М.Б. 1936. О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве // Под знаменем марксизма. № 5. С. 1-19.
- Молдавский Д.М. 1984. В начале тридцатых. Ленинград : Советский писатель. 376 с.
- Никандров А.В. 2019. Несостоявшаяся *res publica restituta* 1948 г.: истоки изменения основного принципа государственного строя СССР в советском политическом дискурсе 30-х годов // Государство и право. № 2. С. 120-132. DOI 10.31857/S013207690003857-4
- Никандров А.В. 2023. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. Т. 20, № 1. С. 46-70. DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_46
- Скоробогатая Н.А., Скоробогаткий В.В. 2020. Советское: историко-культурный контекст феномена // Антиномии. Т. 20, № 2. С. 33-74. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202
- Сталин И.В. 1950. Марксизм и вопросы языкознания. Москва : Правда. 48 с.
- Сталин И.В. 1952. Экономические проблемы социализма в СССР. Москва : Госполитиздат. 93 с.
- Сталин И.В. 1997. Сочинения. Т. 14. Москва : Писатель. 368 с.
- Троцкий Л.Д. 2024. Преданная революция. Москва : АСТ. 352 с.
- Трушков В.В. 2018. Неизвестная Программа ВКП(б). Москва : [б. и.]. 288 с.
- Фейхтвангер Л. 1937. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Москва : ОГИЗ. 118 с.
- Хмельницкий Д. 2006. Архитектура Сталина. Психология и стиль. Москва : Прогресс-Традиция. 560 с.

- Чуев Ф.И. 2000. Молотов: Полудержавный властелин. Москва : Олма-Пресс. 736 с.
Шабалин И.Д. 1998. Свидетель социализма. Раздумья о своей эпохе. Москва : Фонд имени И.Д. Сытина. 400 с.
Шагинян М. 1936. Дневник депутата Моссовета. Москва : Советский писатель. 165 с.

References

- Balandin R.K. *Stalin's Last Year*, Moscow, Veche, 2019, 416 p. (In Russ.).
Burlatsky F.M. *Lenin, State, Politics*, Moscow, Nauka, 1970, 526 p. (In Russ.).
Burlatsky F.M. *State and Communism*, Moscow, Sotsekgiz, 1963, 248 p. (In Russ.).
Chuev F.I. *Molotov: Semi-Sovereign Ruler*, Moscow, Olma-Press, 2000, 736 p. (In Russ.).
Eliseev A.V. *Socialism Betrayed*, Moscow, Kontseptual, 2018, 344 p. (In Russ.).
Feuchtwanger L. *Moscow 1937: My Visit Described for My Friends*, Moscow, OGIZ, 1937, 118 p. (In Russ.).
Garvi P. New Constitution and Party Dictatorship, *Sotsialisticheskij vestnik* [The Socialist Courier], 1936, no. 13, pp. 4-8. (In Russ.).
Kalinin M.I. *Selected Works*, Moscow, Politizdat, 1975, 448 p. (In Russ.).
Khmelnitsky D. *Architecture of Stalin. Psychology and Style*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2006, 560 p. (In Russ.).
Magnitov S.N., Matveichev O.A. "Counter-Revolutionary" Stalin. *On the Other Side of Marxism-Leninism*, Moscow, Knizhnyj mir, 2023, 580 p. (In Russ.).
Makhnyrov A.L. *800th Anniversary of Moscow: A Great Holiday after the Great Victory*, Moscow & Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023, 352 p. (In Russ.).
Mezheritsky Ya.Yu. "Restored Republic" of Emperor Augustus, Moscow, Russkij fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016, 992 p. (In Russ.).
Mitin M.B. On the Elimination of Classes in the USSR and on a Socialist All People's State, *Pod znamenem Marksizma* [Under the Banner of Marxism], 1936, no. 5, pp. 1-19. (In Russ.).
Moldavsky D.M. *Early Thirties, Leningrad*, Sovetskij pisatel', 1984, 376 p. (In Russ.).
Nikandrov A.V. Failed Res Publica Restituta 1948: The Origins of Changes in the Basic Principle of the State System of the USSR in the Soviet Political Discourse of the 30s, *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2019, no. 2, pp. 120-132. (In Russ.). DOI 10.31857/S013207690003857-4
Nikandrov A.V. Linguistics and Politics: Political Motives and Purpose of Free Discussion on Problems of Linguistics of 1950, *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2023, vol. 20, no 1, pp. 46–70. (In Russ.). DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_46
Scorobogatskaya N.A., Scorobogatsky V.V. The Soviet: Historical, Cultural and Philosophical Contexts of the Phenomenon, *Antinomii* [Antinomies], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 33-74. (In Russ.). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202
Shabalin I.D. *Witness of the Era of Socialism. Reflections on a Bygone Epoch*, Moscow, Fond imeni I.D. Sytina, 1998, 400 p. (In Russ.).
Shaginyan M. *Diary of a Moscow Soviet Deputy*, Moscow, Sovetskij pisatel', 1936, 165 p. (In Russ.).
Stalin J.V. *Economic Problems of Socialism in the USSR*, Moscow, Gospolitizdat, 1952, 93 p. (In Russ.).
Stalin J.V. *Marxism and Problems of Linguistics*, Moscow, Pravda, 1950, 48 p. (In Russ.).
Stalin J.V. *Works. Vol. 14*, Moscow, Pisatel', 1997, 368 p. (In Russ.).
Trotsky L.D. *The Revolution Betrayed*, Moscow, AST, 2024, 288 p. (In Russ.).

- Trushkov V.V. *The Unknown AUCPB Program*, Moscow, 2018, 288 p. (In Russ.).
- Wyszyński A.Ya. (ed.) *Soviet State Law*, Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1938, 652 p. (In Russ.)
- Wyszyński A.Ya. *The Questions of the Theory of State and Law*, Moscow, Gosyurizdat, 1949, 424 p. (In Russ.)
- Zhuravlev V.V., Lazareva L.N. (comp.) *Stalin's Economic Legacy: The Plans and Discussions. 1947–1953. Documents and Materials*, Moscow, ROSSPEN, 2017, 646 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Всеволодович Никандров

кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета, г. Москва, Россия;
ORCID: 0009-0002-8885-2752;
Scopus AuthorID: 57220270155;
SPIN-код: 8954-4220;
E-mail: bobbio71@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey V. Nikandrov

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0002-8885-2752;
Scopus AuthorID: 57220270155;
SPIN-code: 8954-4220;
E-mail: bobbio71@mail.ru